

АВСТРИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ШКОЛА И ЕЁ БОРЬБА С МАРКСИЗМОМ И ДРУГИМИ ФАКТОРАМИ КОЛЛЕКТИВИЗМА

Александр Каменецкий

Предисловие

Двух вещей очень трудно избежать: тупоумия — если замкнуться в своей специальности, и неосновательности — если выйти из неё.

Иоганн Вольфганг Гёте

По образованию, т.е. по университетскому диплому, я не экономист, а математик. И все мои предыдущие печатные работы были так или иначе связаны с математикой или алгоритмами, но никак не с экономикой, которую до сравнительно недавнего времени я и наукой то не считал.

Как определяется это слово «наука»? Не однозначно, по крайней мере. Оксфордский толковый словарь даёт следующее определение науки: «интеллектуальная и практическая деятельность, охватывающая систематическое изучение структуры и поведения физического и природного мира путём наблюдения и эксперимента». Другие словари дают сходные определения. Если следовать этому определению, то математика, логика, философия и многие другие знания не относятся к наукам.

Для меня это слово перегружено: если его не уточнить, то оно теряет однозначность, а значит и смысл. Например, приведённое выше определение определяет только естественные науки. Логика, или исчисление предикатов, никак в это определение не вписывается. Она попадает в класс абстрактных наук. В этот класс также попадает математика. Математика имеет дело с абстрактными понятиями, которые в реальном мире не существуют. Например, точка, не имеющая размера, линия, не имеющая толщины, и т.д. Но тут происходит интересный феномен: математика, абсолютно абстрактная наука, не отражающая материальные объекты, тем не менее, способна описать их поведение!

Математика построена на аксиомах и теоремах. Аксиома это тривиальное или очевидное утверждение, которое принимается без доказательства как верное. На основе принятых аксиом с употреблением логики делаются заключения: доказываются теоремы. В математике ничего нельзя доказать экспериментом. Также, в математике ничего нельзя доказать примером, или счётным количеством примеров. Только логика даёт доказательство. Однако опровергнуть утверждение можно примером.

Естественные науки, в отличие от абстрактных, изучают реально существующие неживые объекты. Присутствие слова «неживые» в этом определении очень важно. Оно предполагает, что свойства этих объектов остаются постоянными во времени и поэтому эксперимент, проведённый вчера и завтра даст тот же результат. Физика, химия основаны на этих предположениях и дают «абсолютное» знание.

Моё определение науки было, и до сих пор есть 'поиск истины'. Или другими словами, открытие реально существующих законов, которые не всегда можно представить в виде математических соотношений. При таком определении история, философия, социология, становятся наукой. Однако в этих науках методы, используемые в естественных науках, не проходят, поскольку они имеют временной элемент. Эмпирическое наблюдение не превращается в факт и не может стать абсолютным знанием.

Интересное место занимают ботаника, биология и медицина. Поскольку они изучают живые объекты, имеющие период жизни, они рождаются и умирают, то к этим объектам методы исследования, используемые в естественных науках, напрямую неприменимы.

Где же находится экономика и что она изучает? Наука ли это в перечисленном выше смысле? Мой ответ на этот вопрос в мои студенческие годы был отрицательный: нет, это

не наука. Причина простая: мое представление об экономике было сформировано марксизмом. При всей развитости умения извлекать информацию даже из газеты «Правда». Из разрешенных учебников информация в основном извлекалась из «Критика современных буржуазных учений», но этого не было достаточно. Прочитав «Капитал» Маркса, я пришёл к выводу, что экономика — это не наука. Там было столько высосанных из пальца, ни на чём не основанных предположений, ошибок, очевидных даже для меня, что я потерял всякий интерес к этой лженауке. Однако, исторический подход Маркса меня заинтересовал. Также, диалектический метод Гегеля тоже был интересным предметом для изучения.

Когда я жил в СССР, картина экономического устройства общества для меня была чёрно-белой: есть только две разновидности: социализм и капитализм. В 70-х годах XX века, чтобы не видеть, что капитализм более эффективная система для большинства жителей страны, чем социализм, надо было быть полным идиотом.

Мой взгляд на экономику коренным образом изменился после приезда в США. Тот капитализм, который я увидел в Америке, был абсолютно не похож на то, что я представлял себе, будучи за железным занавесом. Моё советское представление о капитализме в Америке было довольно простым: правительство занимается своими делами, в экономику не лезет, и та развивается по своим законам. Каково же было моё удивление, и разочарование, когда я увидел систему, абсолютно не соответствующую моим представлениям. Стало появляться море вопросов, от ответов на которые зависело благосостояние моей семьи, и ответов, на которые, я не знал. Эти, чисто утилитарные соображения, стимулировали меня заняться самообразованием в этой области. Тут я и обнаружил, что экономика — это всё-таки наука, и, причём, очень интересная, и может быть самая важная из всех наук для выживания и процветания.

Видимо, Гегель хотя бы в чём-то был прав. Накопленные знания создали момент перехода количества в качество: я решил заняться эпистолярным жанром.

История экономики как науки

Это не преступление не знать экономики, которая, в конце концов, специализированная дисциплина и, по мнению большинства людей, ‘мрачная наука’. Но это совершенно безответственно громко выражать мнение по экономическим вопросам, оставаясь в этом состоянии невежества.

Мюррей Ротбард

Свобода не является освобождением от всех ограничений, как это слово может быть истолковано, а наоборот, свобода есть выполнение каждого справедливого ограничения для всех членов свободного общества: как правительства, так и обычных граждан.

Адам Фергюсон

Мораль не является продуктом разума.

Давид Юм

Как случилось, что организации, служащие благосостоянию общества и играющие важную роль в его развитии, появились без чьей-то воли или директивы?

Карл Менгер

Как систематизированное знание, или наука, экономика начала формироваться в 15-16 веках. Основной вопрос, на который зарождающаяся наука пыталась ответить: почему одни страны богатые, а другие бедные. Что такое богатство и откуда оно берётся?

Почему 15-16 век? Социология, политика, право – все это интересовало людей очень давно. Греко-римская эпоха создала огромное количество трудов в этих областях; Платон, Аристотель, всезнайки того времени, оставили колоссальное наследие и систематизировали имеющиеся к тому времени знания. Как получилось, что только через 2000 лет после Аристотеля люди заинтересовались происхождением богатства? Я думаю, что толчком явилось открытие Америки и народов, населяющих Северную и Южную Америку, которые к тому моменту не имели даже письменности и находились в стадии

первобытнообщинного строя. Возник вопрос: что же является двигателем экономического прогресса?

Первыми экономистами, которые разработали стройную концепцию о богатстве были **меркантилисты** (от итальянского слова «мерканте» - торговец). Они полагали, что богатство нации — это золото, а источником богатства является торговля. Тогда же неотъемлемой частью экономики стала её 'конструктивная' часть: практические рекомендации по увеличению богатства, меньше товаров ввозить в страну и больше вывозить, а для того, чтобы вывозить товары, надо поощрять развитие их производства.

Следующий шаг в развитие экономики связан с физиократической школой (греч. «физис» – природа, «кратос» – власть, т.е. власть природы). **Физиократы** полагали, что источником богатства нации является не торговля, а сельское хозяйство. Именно в сельском хозяйстве и создается тот избыточный продукт, оставшийся после потребления, за счёт которого и создается богатство нации. Вывод: только труд в сельском хозяйстве является производительным, все остальные отрасли только пользуются плодами сельского хозяйства.

Идеи физиократов были развиты представителями **английской классической политэкономии** (У. Петти, Адам Смит, Д. Риккардо), которые источником богатства нации считали труд в сфере материального производства. У. Петти принадлежит фраза: «Природа мать, а труд отец всякого богатства». В своей работе «Исследование о причинах и природе богатства народов» (1776) Смит развил трудовую теорию стоимости, создал учение о рынке, конкуренции, показал, что в условиях рынка люди руководствуются собственными интересами, преследуют свои личные цели, но направляемые «невидимой рукой», содействуют реализации интересов других людей и общества в целом. Под «**невидимой рукой**» А. Смит понимал действие объективных экономических законов. Но это было не все, что А. Смит сделал. Он поставил вопрос о том, кто создал этот удивительный порядок, который управляется «**невидимой рукой**» и который позднее Марксом был назван капитализмом. Он же и предложил идею, что - никем. Капитализм не был ничьим планом, ничьей идеей. Он возник спонтанно, был сгенерирован. Тем самым он первым предложил идею эволюции. Правда не биологической эволюции, а эволюции общества. Современные исследователи Чарлза Дарвина обнаружили в его записных книжках заявления о том, что прочтенные им труды Адама Смита в 1838 году привели его к созданию теории эволюции организмов. Значение открытия Дарвина трудно переоценить. Эммет и Хардин считают Смита прародителем кибернетики, поскольку Смит понял, что **механизм цен выполняет функцию передачи информации** и оценил значение этой функции для здоровья всей системы.

На основе работ Смита появилась экономическая доктрина **Laissez-faire**. Выражение Laissez-faire означает «**позвольте делать**». А. Смит понял, что богатство создается этой «**невидимой рукой**» и, что эффективность функционирования этой «**невидимой руки**» поддерживается эффективным производством и эффективной торговлей, или добровольным обменом товарами, и что ключевым компонентом этой единой системы производства и обмена является «medium of exchange», **средство обмена**, или деньги.

Параллельно с **классической школой**, которая является прямым последователем **английской классической школы**, появился марксизм. К моменту публикации капитала Маркса, многими экономистами уже были замечены 'циклы', спады и подъёмы производства, безработицы, цен на товары потребления и сырье. Многие экономисты пытались разобраться в природе экономических циклов и понять, где же находится 'дефект' капитализма, но не находили логических объяснений. Маркс предложил своё объяснение, основанное на его представлении о ценности продукта, откуда она берётся, кем создаётся, и кто получает прибыль. Всё это было ошибочно. Если бы Маркс остановился на теории, было бы не так страшно. В конце концов каждый может ошибаться. Не ошибается только тот, кто ничего не делает. Маркс полез в моральные

категории, такие как 'справедливость', и что ещё хуже, 'социальную справедливость', придумал классы, основанные на владении частной собственностью, и пришёл к абсурдному заключению, что причина всех проблем - это частная собственность. Что лекарство от всех проблем - это коллективная собственность и, что коллективная собственность есть движение вперёд по сравнению с капитализмом. Все мы знаем сколько человеческих жизней уже принесено в жертву 'светлому будущему', коллективизму. Чего мы не знаем пока, сколько жизней ещё будет принесено.

На базе знаний и открытий неоклассической школы и появилась так называемая Австрийская школа. Она и будет являться основным предметом этого исследования. А пока двинемся дальше, к сегодняшнему дню.

Сегодня доминируют две основные экономические школы: Кейнсианство и монетаризм. Однако, при более близком рассмотрении монетаризм — это просто Нео Кейнсианство. Отличие между ними чисто семантическое. Методы у них разные. Монетаристы тяготеют к историческому подходу и практически считают, что функция управления принадлежит центральному банку. Все их модели построены вокруг корреляции между денежной эмиссией (управляющий параметр) и безработицей, инфляцией, ростом валового продукта (управляемые параметры). Нео Кейнсианство, в дополнение к денежной эмиссии предлагает использовать дополнительные управляющие параметры, находящиеся вне достижимости центрального банка: налоги, субсидии, тарифы, инфраструктура, и т.д. Но суть у них одна и та же: их главное утверждение заключается в том, что **Laissez-faire** имеет 'врождённые' недостатки и приводит к кризисам и спадам, высокой безработице и другим проблемам, характерным для свободного рынка. Поэтому государство и центральный банк, который оперирует как независимый от государства орган (что является мифом), обязаны вмешаться, чтобы исправить эти недостатки. Причины вмешательства не отличаются от Маркса. Методы отличаются от марксизма: вместо передачи всей собственности 'коллективу' в результате революции, современные коллективисты просто берут под контроль частный бизнес. В обоих случаях нарушается суть частной собственности, которая является фундаментом капитализма. В качестве доказательства необходимости продолжения политики вмешательства государства в экономику и деньги, для Кейнсианства является сам факт случившейся Великой депрессии, монетаристы же используют работу Милтона Фридмана и Анны Шварц (за которую они были удостоены Нобелевской премии по экономике) и которая с их точки зрения доказывает, что Великой депрессии можно было избежать путём спасения банков в нужный момент. Когда у них не получается регулировать выбранные ими параметры, ответ всегда один: мы просто не делали, то что мы делали, в нужной степени. Просто надо было делать больше (или меньше). У них даже не возникает сомнения в принципиальной возможности управления, близости их моделей к реальности или в легитимности их целей.

Экономика как наука больше не существует. 'Экономисты' за лесом перестали видеть деревья. Их аргумент против Австрийцев просто смешон: поскольку Австрийцы не пользуются высшую математику в своих исследованиях, то Австрийская школа устарела. Это имеет такой же смысл как заявить, что теоретическая механика устарела поскольку она не использует, например, линейное программирование. Поиск истины больше не присутствует в экономике, поскольку утверждены, как правильные, доктрины, дающие государству практически неограниченное ничем право на вмешательство. Австрийская школа, которая разбивает превалирующие доктрины по всем пунктам и даёт свои объяснения прошлым событиям, отодвинута на задний план и практически не присутствует в университетах. Результат: один кризис сменяет другой, причём каждый следующий глубже предыдущего. 1987, 1993, 2000, 2008 и следующий не за горами.

Посмотрим позицию Бернанке в 2007 году, когда Австрийцы уже били во все колокола, предупреждая о приближающейся катастрофе, Бернанке и практически все члены ФРС, имеющие право голоса, ничего этого и близко не видели:

Вот что он говорил в марте 2007:

«Несмотря на то, что потрясения на ипотечном рынке создают серьёзные финансовые проблемы для многих людей и семей, последствия этих событий для рынка жилья в целом менее ясны. Продолжающееся ужесточение стандартов кредитования, хотя и закономерный ответ рынка, приведёт к снижению степени спроса на жильё, а также 'ликвидированные' дома добавят к инвенторию непроданных домов. **На данном этапе, однако, влияние на экономику в целом и финансовые рынки в целом, проблема в субстандартном рынке, скорее всего, будет локализована.** В частности, ипотечные кредиты первоклассных заёмщиков и ипотечных кредитов с фиксированной процентной ставкой для всех классов заёмщиков продолжают показывать хорошие результаты, с низким уровнем неуплат. Мы будем продолжать следить за этой ситуацией.»

И он продолжал следить.... Вот что он говорил в апреле 2008:

«В целом, в краткосрочной перспективе экономический прогноз ослаб по отношению к прогнозам, опубликованным Федеральным комитетом по открытым рынкам (FOMC) в конце января. В настоящее время представляется вероятным, что реальный валовой внутренний продукт (ВВП) не будет быстро расти, если вообще, в первой половине 2008 года и может даже немного сократиться. **Мы ожидаем, что экономическая деятельность поднимется во второй половине года, отчасти в результате стимулирующей денежно-кредитной и налоговой политики; и ожидаем, что рост экономики продолжится на устойчивом уровне или немного выше её устойчивого темпа в 2009 году, подкреплённый стабилизацией рынка недвижимости, хотя и медленно поначалу, но постепенно улучшая финансовые условия».**

Мы все знаем, что произошло всего лишь через несколько месяцев. После чего Бернанке приступил к работе. Процент был доведен до нуля, триллионы перераспределены де факто банкротам. Не хватало все равно. Тогда пошли в ход 'экспериментальные' инструменты. Бернанке был провозглашён героем и новатором. Почему такой абсурд? Ответ и простой, и сложный одновременно, но суть в том, что для того, чтобы что-то чинить, необходимо сначала понимать, как работает то, что собираешься чинить. Но это не всё: чем чинить поломанное тобой же, лучше просто не ломать, тем более, что ты это и не строил. Как сказано в библии: «Если слепой ведёт слепых, то все они упадут в яму».

Теперь посмотрим, как Австрийцы использовали теорию для 'предсказания' будущего. Мизес опубликовал свою работу "The Theory of Money and Credit" в 1912, где он заложил основы Австрийской теории бизнес циклов. Работа была опубликована в Германии на немецком и осталась практически незамеченной в Америке и Англии.

Основываясь на этих исследованиях, Мизес предсказал в 1926 году надвигающийся кризис. Этот кризис начался в 1929 году с падения биржи. Для более углублённого анализа я рекомендую статьи и книги современного австрийца, Марка Шпицнагеля, а также полную биографию Мизеса, блестяще написанную, которая также является историей экономики. Несколько ссылок:

<http://www.zerohedge.com/article/mises-man-who-predicted-depression>

Один параграф из статьи Шпицнагеля (2009) (перевод автора):

«Ответ Мизеса логически вытекает из его предупреждения. Вы не можете исправить то, что сломано, разбив его ещё раз. Остановите кредитное наводнение. Прекратите создавать деньги из ничего. Не поощряйте потребление, а поощряйте сбережения и погашение долга. Пусть все нерентабельные предприятия уйдут из бизнеса, вместо превращения их в придатки государства. (Вы видите, куда я иду с этим.) Искажения должны быть удалены, иначе пропасть, в которую система неизбежно упадёт, будет просто становиться глубже и глубже.»

https://mises.org/system/tdf/Mises%20The%20Last%20Knight%20of%20Liberalism_2.pdf?file=1&type=document

Австрийцы предсказали все кризисы 20 века, начиная с Великой депрессии. Последний кризис был предсказан Австрийцами. Например, Питер Шиф. Привожу ссылку на него в 2006 году:

<http://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=97801606>

Не он один. Неплохо представлена действительность в фильме 'Big Short'. Есть дублированный вариант на русском.

Отец Питера, Ирвин, был непоколебимым борцом за свободу. Рекомендую прочитать его биографию и некролог, написанный его сыном Питером:

<http://www.schiffradio.com/death-of-a-patriot/>

Суть и фундамент Австрийской школы

**«Кто контролирует настоящее, тот контролирует прошлое. Тот, кто контролирует прошлое, тот контролирует будущее»
Джордж Оруэлл "1984"**

**«Те, кто не помнят прошлого, обречены повторять его».
Джордж Сантаяна-1905**

**История есть летопись человеческой деятельности. Человеческая деятельность — это сознательные усилия людей, направленные на то, чтобы заменить менее удовлетворительные обстоятельства более удовлетворительными. Идеи определяют, что должно считаться более, а что менее удовлетворительными обстоятельствами, а также к каким средствам необходимо прибегнуть, чтобы их изменить. Таким образом, главной темой изучения истории являются идеи.
Людвиг Вон Мизес**

**Подлинная история человечества — это история идей. Именно идеи отличают человека от всех других существ. Идеи порождают общественные институты, политические изменения, технологические методы производства и все то, что называется экономическими условиями.
Людвиг Вон Мизес**

Я могу взять на себя смелость и заявить, что Австрийская школа является на сегодняшний день единственной экономической школой, сохранившей независимость от государства. Это позволяет ей искать истину, а не высокие позиции в государственном аппарате. Это единственная школа мысли, которая продолжает традиции классической школы. Я приведу доказательство этого утверждения в следующем разделе, после презентации основных позиций, и, что ещё важнее, методов Австрийской школы. И, сравнив их с идеями и методами современных экономических теорий, приведённых в предыдущем параграфе, оставлю делать выводы читателю, о том, кто прав, а кто не прав, и в согласии с логикой.

Как и для чего люди используют научные открытия, вопрос второстепенный для науки. Цель и методы науки от этого не должны зависеть, иначе вместо основной цели поиска истины наука превратится в инструмент воздействия на сознание людей в интересах определённых групп, и, как следствие, перестанет быть наукой и станет политическим инструментом. Авторитеты также не должны иметь преимущества в обладании истиной. Например, обладание Нобелевской премией или дипломом врача не является доказательством правоты.

Для тех, кто жил в СССР не надо пояснять, что я имею в виду. Там все науки были подчинены идеологии и целям правящей верхушки. Будучи там, я представлял себе положение дел в науке в Америке качественно другим: свободным от влияния каких бы то ни было интересов и контроля. Иначе говоря, свободной создавать и свободной ошибаться. Как далеко было моё представление от реальности. Осознание этой неприятной действительности заставило меня исследовать ошибки в моих представлениях. И это относится не только к науке экономике, но и к истории, медицине (и её ответвлениям как, например, науки о 'правильном' питании), образовании и многих других. Чтобы разобраться в происходящем сегодня, надо понять процесс прихода к данному состоянию дел, то есть изучить историю. Большое, всё ещё оставшееся отличие системы в Америке от СССР, это лёгкий доступ к информации. В Америке (пока ещё) нет официальной цензуры. Американская элита решает проблему инакомыслия другими способами, чем прямые запреты. Она делает это довольно элегантно с помощью создания очень развитой системы сертификаций и мифа о независимости различных 'обществ' от

государства. Цитируя Ленина, который не был учёным ни в одной области знания, но был одним из лучших политиков и манипуляторов в мире, в Америке создано огромное количество 'полезных идиотов'. Но **пока** в Америке без проблем можно читать и публиковать любые книги.

Так в чём же суть Австрийской школы?

Формат этой статьи не позволяет мне идти далеко в историю. Для заинтересовавшихся последователями одного из крупнейших вкладчиков в развитие этой школы Мизеса создан Институт Мизеса. Вся информация там доступна свободно, без каких-либо ограничений или оплаты. Привожу ссылку на одну из статей, опубликованных там, которая прослеживает корни Австрийской школы, начиная с эпохи возрождения и по сегодняшний день: <https://mises.org/about-mises/what-austrian-economics>.

Вот моё определение Австрийской школы: 'Наука о человеческой деятельности, основанная на дедуктивной логике'. В основу положена основная аксиома (из приведенной выше цитаты Мизеса). «Человеческая деятельность — это сознательные действия людей, направленные на то, чтобы заменить менее удовлетворительные обстоятельства на более удовлетворительные обстоятельства». Мизес, тем самым, создал новую науку: Праксиологию. От греческого 'Логика действия'.

Следующая теорема, проистекающая из основной аксиомы: При добровольном обмене между двумя участниками обмена обе стороны, выигрывают.

Доказательство. От противного. Предположим, что один из участников проигрывает при обмене. Тогда, согласно основной аксиоме, он бы этого не делал. Противоречие доказывает теорему.

Это был пример построения выводов, принятых в Австрийской школе.

Необходимой компонентой развитой экономики является обмен. Без развитого механизма обмена, или торговли, разделение труда невозможно. Без разделения труда прогресс весьма лимитирован. Возможности одного человека ограничены и, кроме того, они отличаются от индивидуума к индивидууму. Для достижения максимальной эффективности каждый должен делать то, что он умеет лучше всего, и в той сфере, где он максимально продуктивен. Без механизма обмена такой способ производства невозможен. В экономике обмен имеет синоним: торговля. В процессе эволюции экономического порядка обмен пришёл значительно позже, чем производство, или физическое преобразование доступных в природе ресурсов в продукт потребления, или просто - продукт. И, может быть поэтому, значительно менее понимаем и оценен даже 'образованными' людьми. Я очень хорошо помню, как моя мать называла людей, работающих в торговле: «торгаш», с явным негативным оттенком. Очень важный момент в обмене — это понятие собственности. То, чем люди обмениваются, является их собственностью. Таким образом, именно собственность, и только собственность, может являться предметом обмена. Собственность не обязательно должна быть 'материальной', или физической. Например, человек может обменять свой труд, или идею, на физический продукт. В любом случае действием будет обмен.

На ранних стадиях развития бартерный обмен был единственным доступным обменом. С увеличением разнообразия продуктов обмена, такой обмен стал очень неудобен, и люди стали искать **универсальный** продукт обмена, который всем нужен, и использовать его как промежуточный шаг обмена. Сначала поменять продукт, который человеку в данный момент не нужен, на **универсальный** продукт (первый шаг обмена), а затем, поменять **универсальный** продукт на нужный продукт (второй шаг обмена). Такого типа обмен значительно расширяет географическую зону и гораздо удобнее бартерного обмена и, тем самым, способствует разделению труда и эффективности производства, что приводит к увеличению производительности и, как результат, увеличению богатства.

Этот таинственный **универсальный** продукт, используемый для обмена, есть ничто иное, как деньги. Деньги являются одним из объектов изучения экономики, так как именно деньги являются механизмом обмена. А без обмена экономика не может функционировать.

Австрийцы определили вторую компоненту экономики (первая компонента — это праксиология) как Каталлактику (от греческого) - как науку об обмене с помощью денег. Первым ввёл это слово в его сегодняшнем смысле Аристотель.

Если торговля, и её значение для экономики, не понимается правильно значительным количеством людей, с деньгами дело обстоит на порядок хуже. В Библии сказано: «Деньги источник всего зла», и для многих людей деньги так и понимаются, как страшное зло. А когда дело подходит к проценту на деньги, дело становится совсем плохо. Тут практически никто не понимает, откуда берётся процент и почему он такой, а не другой. Но на этом сложности не заканчиваются. Для упрощения обмена через деньги, а также для безопасности (поскольку деньги — это универсальный товар, нужный всем), то всегда существовали (и, скорее всего, будут существовать) люди, которым не хочется менять свой товар на деньги, но деньги хочется. Эти люди могут лишить человека его собственности (денег) насильственным путём. Чтобы решить проблемы транспортировки денег и безопасности, как одной из проблем, мешавших торговле, люди придумали банки. Создание первых банков мы наблюдаем уже в 15 ом веке в Италии, которая тогда была эпицентром производства, торговли и, как следствие, процветания. Банки, единственным продуктом деятельности которых являются деньги, и которые, как следствие, играют ключевую роль в экономике, становятся чем-то непостижимым для большинства людей. А людям свойственно бояться и часто ненавидеть то, чего они не понимают.

Поэтому не случайно, что одним из основных предметов исследования представителями Австрийской школы являются деньги и банки.

Начиная с Менгера, деньги и банки постоянно присутствуют в исследованиях Австрийских экономистов.

Вот что написано лауреатом Нобелевской премии по экономике, профессором МИТ, Полом Самюелсоном в учебнике, который выдержал 20 изданий и является основным текстом для студентов и по сей день:

«Кредитно-денежная политика Федеральной резервной системы, направленная на увеличение дохода, занятости и цен, состоит из следующей последовательности мероприятий.

1. Путем операций на открытом рынке или других главных средств «Фед» увеличивает количество денег M . [Вспомните про банковые резервы и многократный рост депозитов.]

2. Увеличение M подразумевает рост курсов облигаций, поскольку «Фед», банки-члены и население используют свое новое M для покупки облигаций. Они откажутся от этого способа использования нового M лишь в том случае, если курс облигаций слишком вырастет, а получаемые ими проценты сократятся настолько, что население и банки сочтут разумным удержать у себя новые суммы денег.

В этом процессе снижаются не только проценты по облигациям. Банки, обладая большим количеством денег, будут стремиться к увеличению объёма ссуд, тем самым снижая уровень ссудного процента и облегчая получение займов. Снизятся также проценты по закладным, и будет облегчен ипотечный кредит. Увеличатся возможности получения средств финансовыми компаниями, которые будут предоставлять больше кредитов при меньшем их обеспечении. Промышленные компании смогут выпускать на рынок новые облигации или обыкновенные акции. Их инженеры обнаружат, что администрация более благосклонно относится к новым проектам переоборудования предприятий или новых инвестиций.

Короче говоря, всё это означает, что уровень процента упадет, и это падение повлечет за собой тот факт, что кредит станет легче получить.

3. С облегчением и удешевлением кредита могут вырасти инвестиции. Будут размещены заказы на ранее нерентабельные машины. Появятся источники финансирования мотелей и пригородных торговых центров. Глава семьи узнает, что сможет получить от банка кредит под закладную при меньшем начальном платеже, с рассрочкой на больший срок и сможет, наконец, построить такой дом, о котором он мечтал. И, что более важно, строительная фирма сможет начать строительство новых домов, зная, что её агенты по сбыту будут уже в состоянии продать эти дома покупателям, которые и раньше хотели их купить, но не могли осилить это бремя, пока не снизился размер первого платежа и ежемесячных платежей по погашению закладной.

Помимо этого, благоприятного воздействия, непосредственно оказываемого на расходы более низким процентом, имеет место тот факт, что теперь все активы населения — облигации, земля, средства производства — повысились в цене, поскольку снизился уровень процента. А раз люди обладают большим богатством, они смелее инвестируют. Наконец, вспомните, что инвестиции штатных и местных властей могут также вырасти, когда снизится процент по муниципальным облигациям».

Алхимики, которые тщетно пытались превратить свинец в золото были просто неоперившимися птенцами по сравнению с сегодняшними экономистами: этим даже свинца не надо: они научились создавать богатство из ничего: снизил процентные ставки и все проблемы решены. Безработица исчезла, инвестиции выросли, цены на недвижимость поднялись, доходы увеличились. Нирвана. Реальность же состоит в том, что увеличение количество денег не приносит общественной пользы, и более того, перераспределяет богатство от одной группы к другой, и вызывает те самые циклы, то есть проедание (Hayek, 1988) существующего капитала. Вот что говорит по этому поводу Ротбард: (Rothbard, What Has Government Done to Our Money?)

«Каковы последствия изменения предложения денег? Воспользовавшись мысленным экспериментом философа Дэвида Юма, который, кстати, был одним из первых экономистов, зададим себе вопрос: что произойдет, если добрая фея незаметно подложит деньги, в нашем случае – золото, в наши карманы, кошельки и банковские хранилища, удвоив неким волшебным образом общий запас денег? Станем ли мы в два раза богаче? Очевидно, нет. Богаче нас делает изобилие товаров. Оно ограничивается редкостью ресурсов, а именно земли, труда и капитала. Умножение количества монет *само по себе* не воплотит эти ресурсы во что-то полезное. Мы можем на мгновение *почувствовать* себя так, как *будто* стали в два раза богаче. Но очевидно, что на самом деле мы всего лишь *разбавили* имевшееся предложение денег. Как только народ ринется тратить это нежданно-негаданно обретенное богатство, цены вырастут в той же мере, т.е. примерно в два раза. Эта оценка очень приблизительна, но что можно утверждать с уверенностью, так это то, что цены будут расти до тех пор, пока не будет удовлетворен спрос и деньги не перестанут конкурировать друг с другом за оставшийся неизменным запас имеющихся товаров.

Таким образом, мы понимаем, что при увеличении предложения денег их цена понижается (как это происходит и в случае с любым другим товаром). При этом в отличие от других товаров изменение объёма денег не приносит никакой общественной пользы. Народ в целом не становится богаче. Если потребительские или капитальные товары вносят вклад в повышение уровня жизни, то появление дополнительных денег только повышает цены, т.е. разбавляет их собственную покупательную способность [5].

Разгадка этой головоломки заключается в том, что деньги *полезны только в той мере, в которой они обладают меновой ценностью*. Другие товары обладают «реальной» применимостью, они используются. Именно поэтому увеличение их предложения удовлетворяет возросшие потребительские запросы. Но в случае денег их единственная

полезность состоит в способности участвовать в планируемых обменах. Их полезность заключается в их меновой ценности, в их «покупательной способности». Сформулированный нами выше закон, согласно которому увеличение денег не приносит общественной пользы, вытекает из уникальности способа их применения - служить средством обмена. Итак, увеличение предложения денег лишь снижает эффективность каждой унции золота. С другой стороны, уменьшение предложения денег повышает способность каждой унции золота выполнять свою функцию.

Мы приходим к поразительному выводу: *величина предложения денег не имеет значения*. Любой объём денежного предложения будет действовать так же, как и любой другой. Свободный рынок просто адаптируется, изменив покупательную способность или эффективность золотой денежной единицы. Нет никаких оснований вмешиваться в действие рынка с целью изменить определенное им предложение денег [6].

“У инфляции есть ещё одно опасное свойство. Если инфляционные (новые) деньги первоначально используются как кредиты предприятиям, то инфляция запускает механизм, известный под названием экономического цикла. В начале цикла банковская система с благословения государства выпускает новые деньги и кредитует предприятия. Предпринимателям кажется, что они имеют дело с нормальными кредитными ресурсами, но это не так, потому что источником этих кредитов не являются добровольные сбережения, как это происходит на свободном рынке. Новые, искусственно созданные деньги вкладываются в различные проекты, их выплачивают работникам, они стимулируют рост цен и зарплат. Когда новые деньги просачиваются во все сферы экономики, люди стремятся восстановить привычную пропорцию между потреблением и сбережениями. Допустим, что в норме они откладывают (в том числе с целью инвестирования) 20% своих доходов, а остальное тратят. Тогда закачка в экономику новых денег в форме кредитов для предприятий сначала создает иллюзию того, что доля сбережений увеличилась. Инвестиционная активность резко возрастает. Однако, когда новые деньги доходят до населения, восстанавливается прежнее соотношение - 20:80. Получается, что многие инвестиции сделаны ошибочно. Исправление ошибок, вызванных инфляционным бумом, и образует содержание фазы экономического цикла, которая называется «депрессия» [3].

Как я уже упоминал выше, замечательный порядок, сгенерированный в результате эволюции, (Науек, 1988) который мы называем капитализмом, начал показывать признаки неустойчивости уже достаточно давно. Экономисты пытались найти причины этой неустойчивости, или, как их стали называть, экономических циклов, или спадов и подъёмов в экономике. Обнаружение 'дефекта' в капиталистическом устройстве общества, приводящего к циклам, стало одной из главных целей исследования большинства экономистов. В зависимости от ответа на этот вопрос предлагались пути устранения этого дефекта. Таким образом, экономика из наблюдательной науки начала превращаться в науку об управлении. Неправильный диагноз в экономике, и, как следствие, неправильное лечение, куда более опасен для человечества, чем неправильный диагноз врача, который может привести к гибели одного человека. Неправильный диагноз в экономике может привести к гибели страны (лекарство Маркса сделало Россию, и не только Россию, жертвой). Сегодняшнее ошибочное толкование экономических циклов Кейнсом и монетаристами, может погубить цивилизацию, как мы её знаем.

Австрийцы внесли основной вклад в демонстрацию фатальных ошибок марксизма. Но не только марксизма, а также других разновидностей коллективизма, который надёжно укрепился в мире. Те, кто жил в СССР, помнят, как правящий режим постепенно меняет значения давно употребляемых слов. То же самое происходит сегодня в экономическом словаре. Несколько примеров.

Инфляция. Это слово в действительности означает надувание, накачивание, и в его применении к экономике означает увеличение денежной массы. Сегодня оно применяется как

уровень цен. Экономическая пропаганда сегодня убедила массы в том, что умеренная инфляция — это нормальное явление, сопутствующее росту и прогрессу [4].

Австрийцы разоблачили этот обман. Развивающаяся экономика должна приводить к падению цен, как результат увеличения производительности труда. Идея стабилизации цен и имплементация этой идеи в значительной степени явилась причиной Великой депрессии.

Рост экономики. Он отождествляется с ВВП. Если ВВП растёт, то и экономика растёт. И наоборот: ВВП падает - означает рецессию.

Австрийцы показали бессмысленность употребления такого типа измерений и выводов. Во-первых, включение 'выхода' государства в ВВП абсолютно ничем не оправдано: государство является потребителем, не производителем. Во-вторых, использование \$ как единицы измерения делает цифру ВВП ничего не означающей, поскольку масса денег в эту цифру не входит.

Потребитель, тратя деньги, помогает экономике. Ложь. Если богатство страны есть сумма богатств её граждан, то, когда гражданин тратит, он становится беднее, не богаче, и, как следствие, страна становится беднее, не богаче. Человек, который тратит всё, что он получает, всегда остается нищим. Богатство и прогресс может только появиться из сбережений и их вклада в производство. Австрийцы показали эту связь между сбережениями и прогрессом экономики. Кейнс, однако, видел в сбережениях проблему, с которой надо всеми способами бороться. Бастиа в 1850 году уже понимал абсурдность такого типа логики. Тем не менее, кейнсианство остается доминирующим направлением по сей день.

Я могу продолжать этот список бесконечно, но думаю, суть понятна. Работы представителей именно Австрийской школы нашли действительные причины происхождения циклов и определили способы лечения. К сожалению, эти работы игнорируются, хотя никем реально не опровергнуты. Почему? Ответ очень простой: Австрийский метод устранения дефектов, это отстранение государства от управления экономикой и от перераспределения произведенного богатства. Это приведёт к сокращению государственного аппарата (кому-то придется зарабатывать себе на жизнь экономическим путём, а не политическим) и получателей. А это трудно, и, на определенной стадии становится просто невозможно, поскольку миллионы государственных служащих потеряли способность и навыки оперировать на свободном рынке, и миллионы тех, кто получает, ничего не производя, тоже потеряли такую способность.

Как было сказано в детской сказке «Терем Теремок»: **Мышка** (волку): «А что ты умеешь делать?» **Волк**: «Ловить Мышат! Давить Лягушат! Ежей душить! Петухов потрошить!.. Пустите меня к себе жить!» Или, как сказал Ротбард: «Есть два, и только два, способа, как экономика может быть организована. Одним из них является свобода и добровольный выбор: способ свободного рынка. Другой: силой и указами - способ государства».

Заключение

Идея социализма является одновременно грандиозной и простой.... Мы можем сказать, на самом деле, что это одно из самых масштабных творений человеческого духа, настолько великолепное, настолько смелое, что оно по праву вызывало невиданное восхищение. Если мы хотим спасти мир от варварства, мы должны опровергнуть социализм, но мы не можем небрежно отодвинуть его в сторону [1].

Ludwig von Mises

В приведенной цитате Мизеса он использует слово социализм как главную опасность для цивилизации. На момент написания этого труда социализм был единственным и главным представителем более общей идеи коллективизма. Сегодня мы наблюдаем распространение коллективизма в разных проявлениях. Они также опасны как его частный случай: социализм.

Австрийская школа была, и продолжает быть, основным борцом с этой чумой. Философское движение в том же направлении, Objectivism, созданное Айн Рэнд (Алисия

Зиновьевна Розенбаум) в её многочисленных эссе и двух романах: «Источник» и «Атлант расправил плечи» и, которое также, как и Австрийская, борется с Коллективизмом.

В 1935 г. была опубликована книга Алберта Нока: «Ваш враг Государство», где он создает и обосновывает платформу Либертарианизма. Год написания (издания) не случаен. Стимулирован приходом к власти Рузвельта и его 'Новое Направление'. Позднее его идеи были развиты одним из основных вкладчиков в Австрийскую школу, Мюреем Ротбардом.

Я закончу эту статью переводом последней страницы книги Нока (пер. автора).

«Я не ожидаю, что эта книга изменит чьи-либо политические взгляды, да она и не предназначена для этого. Кто-то, может быть, заинтересуется темой этой книги и займется углубленным исследованием, и даже, может быть, начнет менять своё мнение, но это самое большее, на что я могу рассчитывать. Я не ожидаю, что результаты того рода, которые мы условимся называть практическими, могут произойти от прочтения этой книги, то есть, даже в малейшей степени притормозить прогресс государства в его самовосхвалении и, таким образом, изменить последствия курса государства. Есть две причины, однако, одна общая и одна особая, почему публикация такой книги является допустимой.

Общая причина заключается в том, что, когда в любом направлении мысли, человек имеет или думает, что имеет, взгляды на существующий порядок дел, то это нормально опубликовать свои взгляды, независимо от практических последствий или отсутствия последствий, которые такая публикация может вызвать. Просто в результате осознания общих законов, а не как крестовый поход или пропаганду его точки зрения, или попытки навязать её на кого-то - это далеко не так! – не для принятия или отрицания, а просто ради самого факта. Просто ради долга поиска истины это вполне допустимо.

Особая причина связана с тем, что в каждой цивилизации, какой бы прозаичной она ни была, как бы ни была приучена к близорукой, обывательской точке зрения на проблемы общества, всегда есть ищущие души, которые, внешне не отличающиеся от массы вокруг них, по-прежнему сохраняют уважение к натуральному порядку вещей, независимо от какой-либо практической цели. Они имеют интеллектуальное любопытство, иногда с оттенками эмоций, о великих законах природы; они получают удовольствие от познания этих законов и хотят познать, как можно больше этих законов, даже если они отдают себе отчёт в том, что реализация этих законов может навредить их надеждам и желаниям. Для них работа, как эта, однако, совершенно непрактичная, не совсем бесполезна; и только для них она и была написана» [2].

После всего сказанного, у тех, кто еще не заснул, должен возникнуть вопрос: как можно использовать Австрийскую теорию для спасения капитализма (т.е. цивилизации) сегодня?

Выдержка из книги Нока почти отвечает на этот вопрос: ожидать перемен 'сверху', в рамках действующей конституции, по крайней мере наивно. Как доказал Ротбард, в его книге «Этика Свободы» Представительская Республика не является устойчивой системой, и идея 'Ограниченного правительства' в действительности такая же утопия как коммунизм. Она неизбежно перейдет либо в диктатуру, либо к уничтожению государства. Мизес писал об этом 60 лет назад, в своём труде жизни, «Человеческая деятельность», стр. 860 (перевод автора): «Массы, состоящие из обычных людей, не могут постичь идеи, состоятельные или несостоятельные. Они выбирают только между идеологиями, разработанными интеллектуальными лидерами человечества. Но их выбор является окончательным и определяет ход событий. Если массы предпочитают плохие доктрины, ничто не может предотвратить катастрофу.

Социальная философия просвещения оказалась не в состоянии увидеть опасность того, что может породить распространение и принятие несостоятельных идей. Поскольку утверждения классических экономистов и утилитарных мыслителей не были, и не могли быть, оспорены, они беспечно предположили, что то, что разумно и логически неопровержимо, выживет и победит просто потому, что оно разумно. Они никогда не задумались о возможности того, что общественное мнение может выбрать вредные

идеологии, реализация которых может нанести ущерб благосостоянию и благополучию и, в конечном счете, прекращению социального сотрудничества» (Mises).

Выводы

К сожалению, Мизес был прав. Уже очевидно, что победили вредные идеологии и экономика, как наука, превратилась в придаток статистики и проституирована правящей элитой. Что можно сделать, чтобы вернуть экономический прогресс? Да ничего нельзя. После падения Римской Империи (одной из основных причин падения которой была безудержная инфляция) человечество было отброшено на 1000 лет назад. История повторяется. По Божьему плану ли или в силу эволюции общества, я не знаю. Но суть дела это не меняет.

Может ли случиться чудо? К сожалению, нет. Революция? Может, но без понимания и принятия верных идей она всё равно ничего не изменит, только унесёт миллионы жизней.

Источники

1. Mises, L. v. (n.d.). Human Action. Retrieved from Mises Institute: <https://mises.org/library/human-action-0>
2. Nock, A. J. (n.d.). Our Enemy, The State. Retrieved from Mises Institute: <https://mises.org/library/our-enemy-state-2>
3. Rothbard, M. N. (n.d.). America's Great Depression. Retrieved from Mises Institute: <https://mises.org/library/americas-great-depression>
4. Rothbard, M. N. (n.d.). History of Money and Banking in the United States: The Colonial Era to World War II. Retrieved from Mises Institute: <https://mises.org/library/history-money-and-banking-united-states-colonial-era-world-war-ii>
5. Rothbard, M. N. (n.d.). Man, Economy, and State, with Power and Market. Retrieved from Mises Institute: <https://mises.org/library/man-economy-and-state-power-and-market>
6. Rothbard, M. N. (n.d.). What Has Government Done to Our Money? Retrieved from Mises Institute: <https://mises.org/library/what-has-government-done-our-money>